

4. Школа и культура Советской Белоруссии. – 1919. – № 2-3. – С. 23 – 24.
5. Рин, И. Наше учительство / И. Рин // Звезда. – 1919. – № 360. – С. 1.
6. Пара слов о школьной реформе // Звезда. – 1919. – № 373. – С. 4.
7. Сельский учитель в Минской губернии // Школа и культура Советской Белоруссии. – 1919. – № 3-4. – С. 65 – 75.
8. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці (ДАГВ). Ф 60. Воп. 1. Спр. 37. Протоколы заседаний коллегий уездных отделов народного образования и отчёты о деятельности губернских и уездных отделов (1920 г.).
9. ДАГВ. Ф.–60.–Воп.–1.–Справа 36. Приказы по Мглинскому уоно (декабрь 1920 г.).
10. ДАГВ. Ф.–60.–Воп.–1.–Справа 84. Циркуляры и распоряжения Гомельского губоно (1920-1921 гг.).

Яковлева Г.Н.

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА 1920-Х ГГ.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

На смену народным школам, гимназиям, реальным училищам, лицеям, отражавшим многообразие социально-культурного уклада старой России, должна была прийти единая школа, которая по замыслам советской власти, призвана была стать мощным фактором формирования свободной, демократически ориентированной личности нового человека.

В документах первых лет советской власти, посвящённых изложению основных принципов о Единой трудовой школе, учитывались и декларировались многие прогрессивные идеи, исповедуемые передовыми педагогами не только России, но и европейских стран.

Гуманное отношение к ребёнку, создание соответствующих условий для его всестороннего развития, совместное обучение детей обоего пола, демократизация всей системы народного образования – всё это соответствовало потребностям времени.

После споров и поисков 1918—1922 гг. Наркомпрос РСФСР опубликовал в 1922 г. новое постановление, делавшее основным типом общеобразовательной школы девятилетку, состоявшую из двух ступеней: школа I ступени с пятилетним сроком обучения и школа II ступени с четырёхлетним сроком обучения. В БССР 9-летняя трудовая школа была заменена 7-летней с двумя ступенями в 4 и 3 года обучения.

Однако черты нового и передового в советской школе вынужденно сосуществовали с ее активной политизацией, идеологизацией, внедрением классовых подходов и т.д. А.В. Луначарский ещё в 1918 г. в своей статье “О социальном воспитании”, обосновал идею о том, что ребёнок воспитывается в интересах социалистического общества, именно этой целью должны определяться формы, содержание и методы работы советской школы [1, с. 429].

На VIII съезде РКП(б) подчёркивалось, что учителя должны рассматривать себя как агентов не только общего, но и коммунистического просвещения и должны быть подчинены контролю не только своих непосредственных центров, но и местных партийных организаций. Под прямым воздействием западных теорий и практики возник гигиенический этос воспитания детей (строгое соблюдение чистоты наряду с эмоциональной сдержанностью, а также скрупулезное наблюдение за физическим и умственным состоянием ребенка). Как на Западе, так и в Советской России складывается новый идеал ребенка – энергичного, эмоционально независимого, инициативного. Культивируются такие качества как физическое здоровье, опрятность, решительность, трудолюбие. В школу вводились массовая ритмическая гимнастика, спортивные занятия под наблюдением врача, игра. Сохранению здоровья должна была способствовать и гигиеническая обстановка школы, отвечающая медицинским стандартам. Как отмечает К. Келли: «Приезжающие в СССР журналисты, педагоги и медики, как ни тревожила их практиковавшаяся там, но их мнению, «индоктринация» детей, в целом горячо одобряли усилия советского государства по преобразованию традиционной системы их воспитания. Критике подвергался не характер гигиенического идеала, а его неполное осуществление на практике» [2, с. 399 – 400]. Одежда пионеров 1920-х гг. удивительным образом по форме и стилю совпадала с «рациональной одеждой» в британской детской культуре этого же времени. Советские девочки, также как и их британские сверстницы, отвергали бантики, брошечки, рюши, воланы, пытались избавиться от слезливости, сентиментальности и игры в куклы.

Наблюдавшаяся тенденция к усилению «мальчишеских» черт в одежде и манерах советских девочек, проникавшая в детскую культуру под влиянием школы и пионерского движения, закреплялась достаточно сложно. Многие девочки и их родители противились происходившей унификации. Раздельное обучение мальчиков и девочек в дореволюционной России, строгие гендерные стереотипы поведения и внешнего вида в предшествующий период сдерживали быстрое насаждение новых бытовых практик и манер поведения. Так, в 1925 г. руководителей Витебского окружного отдела народного образования беспокоила сохраняющаяся в школах города «отделяемость мальчиков и девочек». В «Плане проведения Международного дня работниц в школах семилетки» предлагалось провести с 4 по 7 марта 1925 г. конкурс на лучший класс данной школы, «...больше всего изживший отделяемость мальчиков от девочек»; в устных газетах в юмористическом духе отметить отдельных учащихся или отдельные классы, придерживающиеся отделяемости и прочих «буржуазно-мещанских взглядов на женщину». Особая комиссия в составе представителей

Учкома, форпоста и школьного Совета должна была выявить лучший класс на основе следующих критериев: «Лучшим классом считается тот, в котором меньше всего мальчиков и девочек, отделяющихся друг от друга, в котором больше всего девочек втянуто в общественную работу, в котором меньше всего девочек, сохранивших привычки «барышень» [3, л. 20].

В реальности наблюдались серьезные трудности и с внедрением правил гигиены и культа физической культуры и мужественности. Только самые прогрессивные родители, знакомые с трудами педагогов, рационально выстраивали систему воспитания своих детей, отказывались от использования физических наказаний и так называемого «сюсюканья». Попытки же школы вести борьбу за привитие правил гигиены, здорового образа жизни часто сталкивались с жестокими реалиями жизни детей из заводских районов и вековых традиций быта крестьянских семей.

Протоколы заседаний школьных Советов Витебского округа за 1927 г. полны констатаций о том, что дети не просвещены в плане санитарии и гигиены, не снимают шапок в классах, курят, матерятся [4, л. 309]. Зав. 10-ой школы-семилетки вынужден был признать, что ученик 3-его класса П. «ведет себя возмутительно, рассылает записки с нецензурными словами, дерется. Мысли безнравственные, понятия развращенные, обижает каждого, уничтожает чужое – типичный пример дефективного ребенка» [Там же, л. 33, 37].

Формирование нового советского быта шло параллельно с усвоением новой идеологии. В сознание и поведение подрастающего поколения «впечатывались» новые жизненные приоритеты и ценности, нормы поведения в школе, семье, на улице. Бытовые комиссии предприятий, в том числе и г. Витебска, женотделы разных уровней рекомендовали родителям называть своих детей новыми советскими именами: Владлен, Нинел, Октябрина и т.д. Бытовые традиции, связанные с религиозными праздниками и обрядами, заменялись советскими праздниками-заместителями (революционные крестины, октябрины и т.д.). Школа играла важную роль в вытеснении религиозного сознания и привитии новых поведенческих норм. В 1924 г. Окружной отдел народного образования рекомендовал провести антипасхальную кампанию [5, л. 1 об.] по всем школам Витебского округа. Велась массовая разъяснительная работа среди еврейских школьников, не посещавших уроков по еврейским праздникам, постепенно вытеснялись хедеры. Уделялось большое внимание созданию советских школ для еврейских детей, учителей для которых готовил Еврейский педтехникум.

На школе, важнейшем общественном институте, всегда остро отражаются социально-политические трансформации. Новый политиче-

ский курс, известный как “великий перелом”, повлек за собой серьезные изменения в советской школе. С весны-лета 1928 г. в партийно-государственных инстанциях разного уровня начинается активная критика недостаточно наступательной позиции школы в деле борьбы с религией. На одном из совещаний в Отделе агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б) отмечалось: «Антирелигиозная работа в школе недостаточно активна. До последнего времени действовали устаревшие и ошибочные в ряде моментов методические указания о “безрелигиозном воспитании в школе I ступени» [Цит по: 6, с. 88]. Зав. одного из отделов Наркомпроса РСФСР Эпштейн критиковал термин “безрелигиозное воспитание” за “пацифизм” и “нейтрализм”, предлагал разработать систему мер, направленную на реализацию антирелигиозного воспитания в школе.

24 января 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило резолюцию “О мерах по усилению антирелигиозной работы”, в которой в числе других мер Наркомпросу предписывалось “взять более решительный курс по преодолению элементов нейтрализма школы к религии, выходящегося в т.н. безрелигиозном воспитании” [6, с. 94].

Решение Политбюро сразу отразилось на школе, где были пересмотрены программы, резко усилилась антирелигиозная пропаганда, стали создаваться кружки безбожников, активизировались в деле обличения религии пионеры. Радикализация борьбы с религией в школе и обществе резко увеличила количество конфликтов в семье, особенно в сельской местности.

В 1920-е гг. бытовое и идеологическое переплеталось достаточно часто. Пролетарский интернационализм, проповедуемый в советском обществе, в том числе и школе, предполагал уважение традиций и желание помочь не только народам Китая, детям Германии, рабочим Польши, но и уважительные и терпимые отношения в своей, советской среде. Однако в Витебске, где значительную часть населения составляли евреи, наблюдался бытовой антисемитизм, особенно распространенный в Марковщине. Заведующий седьмой школы-семилетки неоднократно докладывал в отдел народного образования о многочисленных нападениях учеников школы водников на детей из третьего еврейского класса его школы [4, л. 334]. Подростки этого района умудрялись оскорблять и терроризировать даже работниц фабрики. Комиссия, изучавшая ситуацию в 7-ой школе, признала, что во всех классах семилетки проводилось интернациональное воспитание, но уровень жизни в Марковщине, антисемитские настроения родителей оказывали отрицательное влияние на детей [4, л. 362].

Ситуация в школе, влияние ее на поведение детей, формирование нового советского быта во многом зависело и от самих педагогов. Определенная часть из них несомненно была увлечена строительством новой жизни, пафосом созидания нового коллективистского че-

ловека. Изучала то новое, что появилось в педагогической науке в СССР, и экспериментировала сама, раскрепощая инициативу детей. Но значительная часть учителей, особенно старой, дореволюционной закалки и воспитания, не воспринимала новшеств советской школы, не превращалась в педагогов-общественников и формально относилась к выполнению новых требований и установок. В одном из документов 1924 г. утверждалось, что учителя дружат с попами, «божатся» XIII съездом, неискренни и не хотят заниматься общественной работой [7, л. 10 об.]. А латышские большевики, проверявшие работу Поташнинской латышской школы, были поражены тем фактом, что один из учителей не видел разницы между «Детской болезнью левизны в коммунизме» и венерической болезнью в коммунизме [8, л. 388].

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, пропитываясь новой идеологией, советская школа рассматриваемого периода способствовала внедрению в сознание, жизнь и быт подрастающего поколения новых политических, нравственно-бытовых, поведенческих норм и ценностей. Однако идеальная модель воспитуемого нового советского человека сталкивалась с реалиями жизни, корректировавшими идеал.

Во-вторых, некоторые черты новой школы совпадали с исканиями прогрессивных педагогов и публицистов начала XX в. Движение начала века за «свободное воспитание», практика нового ухода за детьми получила официальную поддержку государства. А «мальчишеский» стиль поведения, одежды и отношений стал более предпочтительным, как для мальчиков, так и для девочек и распространенным среди детей во всех детских учреждениях.

В 1920-е гг. приветствовалась инициатива, самостоятельность в поведении детей, огромную роль в жизни и быту играл коллективизм, важную роль играла школьное самоуправление.

В-третьих, агрессивное навязывание новых идейно-политических и моральных ценностей, стремление разрушить многие черты старого быта, пронизанного религиозностью и патриархальностью, вызывала скрытое или явное сопротивление, как части учителей, так и учеников и их родителей. Многие черты в морально-бытовом поведении населения, в том числе и детей, оставались традиционными.

1. История педагогики и образования от зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX век: учебн. пособие для учебн. заведений /Под общ. редакцией И.Пискунова. – М., 2007. – 496 с.

2. Келли, К. «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России) / К. Келли // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. – Москва.: «РОССПЭН», 2003. – С. 385 – 410.

3. Государственный архив Витебской области. Ф. 170. Оп. 1. Д. 110.

4. Там же, Д. 164.

5. Там же, Д. 332.
6. Шевченко, В.А. «Необходимо ударить кого следует, чтобы делу не мешали»: введение антирелигиозного воспитания в советской школе в 1928-1929 гг. / В.А. Шевченко // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 86 – 95.
7. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 15.
8. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 434.

Лисов А.Г., Трусова Е.Г.

ОБ ИНИЦИАТИВЕ СОЗДАНИЯ ВИТЕБСКОЙ НАРОДНОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

Организация народной консерватории в художественной жизни Витебска первых послереволюционных лет явилась одним из наиболее значительных событий. Есть основание ставить его в один ряд с такими событиями, как созданием художественного училища (детища М.З. Шагала), группы художников УНОВИС под руководством К.С. Малевича. Во всяком случае, по значимости для культурной ситуации города, весомости имен музыкантов-педагогов, которые собрались в стенах учебного заведения, консерватория едва ли уступает художественному училищу. К тому же работы по организации консерватории начались, по крайней мере, на полгода раньше, чем была предпринята инициатива Шагала в деле образования художественного училища.

Создание Витебской консерватории связывают с деятельностью музыканта, дирижера и педагога Николая Андреевича Малько, возглавившего ее, много сделавшего для ее укрепления, сплотившего коллектив и не только в педагогическом процессе, но и в насыщенной и разнообразной концертной деятельности. Как пишет биограф известного музыканта, *«в Витебске блистательнейшим образом развернулись его выдающиеся организаторские и педагогические способности... С поразительной энергией Малько добивается в Витебске, в этом небольшом, тихом провинциальном городке, открытия «Народной консерватории» и одновременно буквально «из ничего», из чрезвычайно пестрого по профессиональному уровню и, в общем, малого количества музыкантов, формирует оркестр»* [1]. В приведенной цитате отмечена роль Николая Андреевича как организатора консерватории и симфонического оркестра, который в бытность дирижера в Витебске оказался наиболее творчески активным и жизнестойким коллективом.

Не умаляя организаторской роли Н.А. Малько для музыкальной жизни города, нам хотелось исправить одну часто повторяющуюся ошибку, что дало бы возможность по достоинству оценить ту творческую среду, в которой он работал. Малько не был инициатором создания консерватории в Витебске. Можно еще раз вернуться к приведен-